

Предисловие

Дорогой читатель,

Надеюсь, вы волнуетесь не меньше меня, беря в руки новый роман Люсинды Райли. Возможно, вы поклонник серии «Семь сестер» и с нетерпением ждете, что Люсинда перенесет вас в неизведанный и живой мир. А может быть, вы впервые знакомитесь с ее творчеством, заинтригованные обещанием этого только что появившегося и захватывающего детективного романа. В таком случае, к огромному сожалению, я должен начать с конца, чтобы пояснить, откуда взялись страницы, которые вы собираетесь вот-вот поглотить. Для тех, кто не осведомлен: Люсинда — мама — умерла 11 июня 2021 года вследствие рака пищевода, обнаруженного в 2017 году. Я — старший сын Люсинды и соавтор (спешу добавить, не по этой работе). Вместе мы написали серию для детей «Ангелы-хранители», и я занимаюсь реализацией ее обширного литературного наследия, завершив восьмой — и последний — роман из серии «Семь сестер».

По этой причине я хотел бы рассказать вам, как возник роман «Убийства во Флит-Хаусе». Во-первых, хотя он никогда не видел свет, написан он был в 2006 году. Когда ее младшие дети пошли в школу, Люсинда написала «в стол» три романа, два из которых впоследствии были изданы и получили восторженные отзывы: «Старая олива» (другое название: «Секрет Хелены») и «Комната бабочек». Она планировала опубликовать и третий, который вы держите в руках, после завершения серии «Семь сестер».

В изначальные версии «Старой оливы» и «Комнаты бабочек» Люсинда внесла значительные изменения (как любой писатель, возвращающийся к тексту после десятилетнего перерыва). В случае с «Убийствами во Флит-Хаусе» у мамы такой возможности не было. Вот почему я столкнулся с дилеммой, когда принял решение опубликовать эту книгу. Должен ли я отредактировать, обработать и дополнить текст, как сделала бы она? После долгих размышлений я решил, что сохранить мамин голос важнее. По этой причине работа редактора свелась к абсолютному минимуму.

Поэтому то, что вы читаете, — текст Люсинды от 2006 года.

Мама страшно гордилась этой работой. Это единственный написанный ею детектив, но верные читатели сразу узнают ее непревзойденное умение ухватить дух местности. Уверен, вам будет интересно знать, что во время работы над этой книгой наша семья жила в болотистом, таинственном краю, где и происходит действие. Более того, норфолкская школа, описанная в книге, была во многом списана с той, где учились мы, ее дети. К счастью, я могу подтвердить, что ничего столь драматичного в коридорах наших общежитий не происходило.

Вы, вероятно, догадались, что секреты из прошлого сильно влияют на современные события и в этом романе. Нам предложен как всегда великолепный образ детектива-инспектора Джаз Хантер, которая, безусловно, обладает потенциалом стать центральным персонажем собственной серии.

Возможно, она и стала бы — в другой жизни.

Гарри Уиттекер

2021

*Этот роман посвящен всем тем, кто мечтает.
Никогда не сдавайтесь и не складывайте оружия —
поступайте, как Люсинда.*

Семья Люсинды

Пролог

Школа Святого Стефана

Норфолк

Январь 2005 года

По лестнице, ведущей к коридору старшекласников — скоплению комнатушек размером с обувную коробку, по одной на мальчика, — поднимался человек. Стояла тишина, лишь булькали да потрескивали допотопные батареи; эти немощные чугунные стражи вот уже пятьдесят лет силились обогреть Флит-Хаус и его жильцов.

Самое старое и почтенное из восьми общежитий школы Святого Стефана носило имя директора, для которого строилось сто пятьдесят лет назад. После войны уродливое викторианское здание из красного кирпича, известное среди нынешних обитателей как Дыра, отдали под размещение учеников.

Из всех общежитий Флит-Хаус был последним, которому предстоял долгожданный ремонт. За следующие шесть месяцев полы в коридорах, спальнях и комнатах отдыха освободят от драного черного линолеума, пожелтевшие стены оклеят новыми обоями и освежат бледно-кремовой краской, а древние душевые оборудуют блестящей фурнитурой из нержавеющей стали и выложат белой глянцевой плиткой. Это должно успокоить современных взыскательных родителей, требующих для своих детей гостиничного комфорта вместо жизни в развалюхе.

Перед дверью в комнату номер семь человек замер, прислушался. Сегодня пятница, и восемь живущих на этаже мальчиков наверняка отправились в соседний городок

Фолтсхэм — в паб, — но не мешает удостовериться. Ничего не услышав, человек повернул ручку и вошел.

Тихонько прикрыл дверь, зажег свет — и сразу ощутил затхлый подростковый душок: характерную смесь нестиранных носков, пота и бушующих гормонов, которая за многие годы пропитала каждый уголок Флит-Хауса.

Запах оживил мучительные воспоминания, человек вздрогнул, едва не споткнулся о грудку нижнего белья, небрежно сваленного на полу. Взял с тумбочки две белые таблетки — их клали сюда каждый вечер, — заменил двумя такими же. Выключил свет и покинул комнату.

* * *

При звуке шагов маленькая фигурка на соседней лестнице окаменела. Одетый в пижаму мальчик в панике кинулся к нижнему пролету, нырнул в нишу под ступенями, слился с тенями. Если в десять часов его застанут не в кровати, то накажут, а он сегодня больше не выдержит.

Мальчик неподвижно стоял в темноте, сердце выскакивало из груди. Он крепко зажмурился, словно это могло помочь, и слушал, затаив дыхание. Шаги поднялись по лестнице в нескольких дюймах над головой, миновали его и — о счастье! — удалились. Дрожа от облегчения, мальчик выбрался из укрытия и поспешил к своей спальне. Лег в кровать, проверил по будильнику время — еще целый час до того, как можно будет погрузиться в безопасный, благословенный сон. Накрылся с головой одеялом и наконец дал волю слезам.

* * *

Примерно часом позже в комнату номер семь вошел Чарли Кавендиш и повалился на кровать.

Ему восемнадцать лет, сейчас одиннадцать часов вечера, пятница, а он заперт, словно ребенок, в паршивой кроличьей норе!

Да еще завтра к семи утра надо явиться в часовню, чтоб ее. В этом семестре Чарли пропускал службу дважды и больше не мог себе такого позволить. Его уже таскали в кабинет к Джонсу из-за дурацкого случая с Милларом. Джонс возмутился, грозил отчислить Чарли, если тот не образумится, а Чарли раздражала необходимость быть паинькой. Отец выразился предельно ясно: без высоких оценок в таблице и на экзаменах не видать Чарли денег на годичный перерыв перед поступлением в университет.

То есть жизнь летит ко всем чертям.

Отец годичный перерыв не одобрял. Он презирал гедонизм и уж точно не хотел, чтобы сын нежился на каком-нибудь тайском пляже — весьма вероятно, под кайфом, — да еще за родительские деньги.

Перед началом семестра они страшно поругались — как раз из-за его будущего. Уильям Кавендиш был чрезвычайно успешным лондонским адвокатом, и предполагалось, что сын пойдет по его стопам. В детстве Чарли об этом особо не задумывался.

По мере взросления до него постепенно начало доходить, чего от него ждут, — причем независимо от его собственных желаний.

Чарли же был дельцом и ловкачом, источником адреналина — и другой жизни не мыслил. Он обожал испытывать судьбу. Мысль о костюмной жизни в удушающей иерархической атмосфере юридической палаты Иннер-Темпла вызывала тошноту.

Вдобавок отцовская идея «преуспеяния» сильно устарела. Теперь все по-другому, можно заниматься чем хочешь. Весь этот бред про респектабельность — пережиток старшего поколения.

Чарли хотел быть диджеем и наблюдать за тем, как красивые полуобнаженные женщины извиваются перед ним в танце. Где-нибудь на Ибице. Да-а. Вот это дело! И вообще... диджеи зарабатывают кучу денег.

Хотя с деньгами особых трудностей не предвиделось. Если только холостой пятидесятисемилетний дядя не решит внезапно обзавестись потомством, то Чарли унаследует семейное поместье с огромными сельхозугодьями.

На этот счет у Чарли тоже были планы. Достаточно продать несколько акров застройщикам, и он сколотит огромное состояние!

Нет, проблема не в *будущих* капиталах; проблема в том, что жмот-отец имел над Чарли финансовую власть *в настоящем*.

Чарли молод. Он хочет развлекаться.

* * *

Пока все эти мысли крутились в голове, Чарли Кавендиш рассеянно потянулся за двумя таблетками, которые ежедневно принимал на ночь с пятилетнего возраста, и взял стакан воды, оставленный для него сестрой-хозяйкой.

Положил таблетки в рот, запил водой, поставил стакан на тумбочку.

Целую минуту ничего не происходило, и Чарли продолжил вздыхать о несправедливости судьбы. Затем ощутил в теле едва уловимую дрожь.

— Что за черт?!

Дрожь усиливалась, Чарли уже не мог с ней совладать. Горло вдруг сдавило, он запаниковал. Растерянный и задыхающийся, он сумел проковылять несколько шагов до двери. Схватился за ручку, дернул, но, охваченный нарастающим ужасом, не смог ее повернуть и упал. Сознание спуталось, рука взлетела к горлу, на губах выступила пена. Жизненно важные органы, лишенные кислорода и отравляемые смертельным токсином, один за другим начали отказывать. Кишечник расслабился, и мало-помалу юноша, бывший когда-то Чарли Кавендишем, просто перестал существовать.

Глава первая

Роберт Джонс, директор школы Святого Стефана, стоял у себя в кабинете, засунув руки в карманы, — привычка, за которую он нещадно распекал своих подопечных, — и смотрел в окно.

Внизу виднелась лужайка перед часовней, по ней снова-таки ученики, спешащие на уроки и с уроков. Ладони Роберта были мокрыми от пота, сердце колотилось от адреналина, оно постоянно так себя вело после происшествия.

Джонс отошел от окна, сел за стол. На нем высилась нетронутая гора бумаг и лежал список телефонных сообщений, на которые еще предстояло ответить.

Роберт достал носовой платок, вытер лысину, тяжело вздохнул.

Директору, отвечающему за несколько сотен подростков обоих полов, грозило немало потенциальных кошмаров: наркотики, травля, а в нынешние времена смешанных школ-пансионов для мальчиков и девочек — еще и неукротимый призрак под названием секс.

За четырнадцать лет директорства в Святом Стефане Роберт сталкивался и с тем, и с другим, и с третьим.

Однако все прежние неприятности бледнели на фоне пятничного происшествия. Вот где самый страшный кошмар директора — смерть вверенного ему ученика.

Чтобы полностью уничтожить репутацию школы, не было способа надежней. Как именно мальчик умер, почти не игра-

ло роли. Роберт отчетливо представлял толпы родителей, которые сию минуту подыскивают школу-пансион и вычеркивают Святого Стефана из своего списка.

Тем не менее... Роберт находил утешение в том, что школа просуществовала четыре столетия; просматривая архивы, он обнаружил, что подобные трагедии бывали и раньше. Вероятно, в краткосрочной перспективе доходы упадут, но со временем печальное происшествие забудется.

Последняя смерть ученика случилась двадцать шесть лет назад, в 1979 году. Тело мальчика нашли в подвале, где хранились чемоданы: он повесился на веревке, привязанной к крюку в потолке. Эта история стала частью школьного фольклора. Ребята любили пугать друг друга мифом о духе мальчика, обитающем во Флит-Хаусе.

Юный Рори Миллар, когда его недавно нашли в подвале, сам напоминал привидение: беднягу заперли там, и он всю ночь отчаянно колотил в дверь.

Чарли Кавендиш — несомненный виновник, — как обычно, все отрицал. Хуже того — он откровенно веселился. Роберт Джонс нервно поежился. Полагалось скорбеть о безвременно оборвавшейся жизни Чарли, но скорби директор не ощущал.

С этим мальчиком с самого начала были одни проблемы. А теперь из-за его смерти и будущее Роберта оказалось под вопросом. В свои пятьдесят шесть лет он надеялся через четыре года отойти от дел и получить хорошую пенсию. Если же его вынудят уволиться сейчас, он вряд ли найдет другое место.

Вчера вечером на экстренном заседании попечительского совета Роберт предложил свою отставку. Однако совет встал на сторону директора.

Смерть Кавендиша — случайность... вызванная естественными причинами. Он умер от приступа эпилепсии.

Роберт только на это и надеялся. Если коронер вынесет вердикт о смерти по естественным причинам и освеще-

ние в прессе сведется к минимуму, то ущерб окажется не-
большим.

Однако, пока официального вердикта нет, репутация
и будущее Роберта висят на волоске. От коронера обещали
позвонить сегодня утром.

На столе пронзительно зазвенел телефон. Джонс включил
громкую связь:

— Да, Дженни?

— Вас спрашивают из офиса коронера.

— Соединяйте.

— Мистер Джонс?

— Слушаю.

— Говорит Малкольм Гленистер, местный коронер. Хочу
обсудить результаты вчерашнего вскрытия Чарли Кавен-
диша.

Роберт с трудом сглотнул.

— Разумеется. Слушаю вас.

— Патологоанатом пришел к выводу, что Чарли умер не
от эпилептического приступа, а от анафилактического шока.

— Ясно. — Роберт вновь сглотнул, прочищая горло. — И...
что же вызвало шок?

— Из медицинской карты Чарли вам наверняка извест-
но о его сильнейшей аллергии на аспирин. В крови мальчи-
ка обнаружено шестьсот миллиграмм аспирина, что соответ-
ствует двум таблеткам.

Ответить Роберт не сумел — горло совсем пересохло.

— Кроме следов эпилепсии, который Чарли ежедневно при-
нимал от эпилепсии, и минимального уровня алкоголя в кро-
ви, патологоанатом больше ничего не нашел. Мальчик был
совершенно здоров.

К Роберту вернулся голос:

— Обнаружь мы Чарли раньше, мог бы он выжить?

— Если бы ему немедленно оказали медицинскую по-
мощь, тогда да, почти наверняка. Однако все произошло
очень быстро, и шансы на то, что Чарли сумел бы позвать на